

Новый человек

Елена Мишина

Полеты наяву

*Размышления после Пятых Между-
народных педагогических чтений*

¹ Если я говорю языками человеческими и ангельскими,
а любви не имею, то я — медь звенящая или кимвал звучащий.

² Если имею дар пророчества, и знаю все тайны,
и имею всякое познание и всю веру,
так что могу и горы переставлять,
а не имею любви, — то я ничто.

1-е Послание к Коринфянам, гл. 13

«Единство, — возвестил оракул наших Оней, —
быть может спаяно железом лишь и кровью...»
Но мы попробуем спаять его любовью, —
А там увидим, что прочней...

Федор Тютчев

Когда-то, достаточно давно, когда телевизоры были черно-белыми, в одной из телепрограмм о воспитании подрастающего поколения, которых снималось немало (куда все делись?), давал интервью учитель, о котором говорили, что он создал свою школу педагогики. Принципы и методы ее существенно отличались от общепотребимых в советской школе. Учителя звали Шалва Амонашвили, и на вопрос журналиста, как получается, что у него в классах практически нет учеников, плохо успевающих и плохо поддающихся воздействию, он с красивым кавказским акцентом ответил: «Я их хвалю».

Детская хоровая капелла школы № 1332 (г. Москва) под руководством М.Г. Стрuve

Вот и весь секрет. Но дети — народ прозорливый. Их не обманешь леденцовыми похвалами, и, отделяя верхним чутьем детской души истину от фальши, — «будьте как дети!» — они быстро различат доброе и «добренькое». Вы можете быть внешне строги к ним, но они будут вас любить. Вы можете гладить их по головкам и елейно улыбаться, но, если вы нечестны внутренне и в похвале запряжено желание завоевать наносной авторитет, они сурово, как это умеют только дети, поглядят на вас так, что вам останется только произнести: «У-у, какой ты бука...» — и неловко отойти в сторону. Только искренне любящий может расположить к себе детское сердце, только ему доверится детская душа, которая именно сейчас переживает тяжкую нагрузку необходимости в самозащите, как это ни парадоксально, от нас, от взрослых. От родителей. От учителей. От просто прохожих...

Пятые Международные педагогические чтения состоялись в Московском городском Доме учителя 9—11 января этого года и собрали 500 гостей-коллег — учителей, родителей, работников управленческого аппарата, но их в свою оче-

редь делегировали тысячи коллег, оставшихся дома. В столицу приехали педагоги из Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Казани, Пензы, Перми, из городов Сибири и Урала, стран Балтии, Украины, Беларуси, Кыргызстана, Грузии, других городов и стран. Организаторы постарались вместить в общую проблематику четырех круглых столов наибольшее количество аспектов, связанных с воспитанием детей в духе Гуманной педагогики. Ключевыми понятиями, лейтмотивом трехдневных встреч стали символы: чаша — крылья — полет.

Об открытии очередных Педагогических чтений, ежегодно проводимых Международным центром гуманной педагогики, пять лет существующим под эгидой и при всесторонней организационной поддержке Международного Центра-Музея Рерихов, доктор психологических наук, академик Российской академии образования Шалва Александрович Амонашвили сказал: «Это наша пятая радость». И объявил девиз Чтений: «Спешите, дети, будем учиться летать!» У этих Чтений есть и другой девиз: «В чаше лежит крылатый ребенок». Он, как вся-

На карте России отмечены лаборатории гуманитарной педагогики

кий поэтический образ, вмещает множество знаков. Прежде всего, Чаша — это человеческая душа, способная вместить в себя высокий Дух творчества, познания, именно тот Дух, который дает материи способность к *одухотворенному* полету. «Чаша, Ребенок в Чаше, Богоматерь, на груди которой Спаситель (вспомним икону “Неупиваемая Чаша”), все это — символы, несущие нам важные сведения. Чаша понимаема нами как Суть, Ядро Духа. Если заглянуть в “Словарь Сути Слов”, то Чаша — это образ творчества, живущий в душе человека. В каждом Ребенке есть своя Чаша, в ней — Крылатый Младенец, и в Нем — Божья Тайна. Очевидно, что пробуждение Духа, зарождение духовности открывает доступ к Неупиваемой Чаше. Она — это неисчерпаемое творчество, которое проявляет человек на пути духовного восхождения» — так определила этот сложный поэтический образ В.Г. Ниорадзе, доктор педагогических наук, профессор Московского городского педагогического университета, академик Академии педаго-

гических и социальных наук, Рыцарь гуманитарной педагогики.

Крылатый ребенок, лежащий в чаше, также видится нам как творческое начало, без которого невозможен полет и нереально истинное Познание мира, — не узкое, не сугубо эмпирическое, а устремленное к Беспредельности, то Познание, в результате которого человек может ощутить себя не «песчинкой на бархане века», а частью Вселенной, обретя космическое, вселенское мировоззрение. И это чувство сегодня нужно активно пробуждать и в себе, и в тех, кто идет за нами, — в наших детях. Такова одна из задач Гуманной педагогики, которая несет в себе множество идей и принципов, напрямую вытекающих из учения Живой Этики.

«Духовность обуславливает главные качества системы познания Живой Этики. Духовные находения прочно входят в нее наряду с научными открытиями, пробивая путь к одухотворению науки»¹, — пишет Л.В. Шапошникова, вице-президент МЦР, генеральный директор Музея имени

¹ Шапошникова Л.В. Философия космической реальности / Листы сада Мории. Т. 1. Зов. М., 2003. С. 158.

Н.К. Рериха, во вступительной статье к новому изданию Живой Этики. О роли Живой Этики как духовно-философского учения, которое сегодня является отправной точкой для преобразования всех областей Культуры, — искусства, науки, образования, религиозных мировоззрений, — говорили на конференции многие из выступавших учителей. Педагоги, те, кто уже знаком сегодня с постулатами и принципами Живой Этики, сознательно применяют ее в методике преподавания и получают великолепные результаты. Но еще интереснее было слышать, как те, чье знакомство с нею едва только началось или ему еще только предстоит состояться, рассказывают о Гуманной педагогике применительно к своей личной педагогической практике. Они часто употребляют понятия духовности, энергетики, первичности Духа, воспитания в Красоте и Любви, как необходимые условия *полета*.

Одним из ярчайших выступлений, где принципы Живой Этики, ее высочайшая роль в освобождении науки от бездуховности, которая тормозит процессы познания, выявлены предельно ясно, стало выступление на круглом столе «В каждом из нас — Неупиваемая Чаша» учителя физики из Клайпеды (Республика Литва) Ирене Стульпинене. Физик по специальности, она рассматривала теорию квантовой механики и теорию относительности Эйнштейна с философских позиций и привела интереснейшие высказывания самого великого физика из книги, изданной в Принстонском университете США. Это издание существует на литовском языке, на русском его еще нет, и учитель Стульпинене сама сделала русский перевод выдержек, приводимых ею в выступлении. Не будучи знакомым с основами Учения, Альберт Эйнштейн, дойдя в своих исследованиях квантовой теории и теории относительности до самых глубин материи, пришел к тем же выводам, которые дает нам изучение Живой Этики. С ее помощью мы заново обретаем единство со всей Вселенной, постигая себя как ее часть. Вот несколько цитат самого Эйнштейна, прозвучавших в этом докладе: «То, что воздействует на наши органы восприятия как вещество — концентрация энергии поля в очень малом пространстве <...> Так и поле есть энергия, только она рассеяна в безбрежном пространстве. <...> Поле и вещество — это Дух и Материя, две основы мира. Материя есть кристалл Духа, а Дух есть сверхутонченная материя. Вместе они — неиссякаемая и далеко не изведанная космическая энергия». В Индии, говорит Ирене Стульпинене, есть символ — лебедь, который находится в

Совершенном Полете и чьи крылья олицетворяют собой Совершенный Союз противоположностей одинаковых по мощи крыльев — Духа и материи. Формула гениального физика объединяет их в прекрасной и достойно равновесной зависимости, когда материя становится одухотворенной. При таком подходе к вопросу о взаимоотношении материи и духа у нас еще остаются твердые надежды, что Дух высокий восторжествует и на нашей истерзанной низостью невежества планете.

Цитируя эти заключения великого физика, преподаватель из Литвы применяет их к закону сохранения энергии, знаменитому $E=mc^2$, где энергия поля E — это Дух, а масса — материя, и последовательно приходит к другому выводу: закон, открытый Эйнштейном, есть Закон сохранения жизни. «Я люблю эту формулу, — говорит Ирене, — и как физик и математик, и как философ». Но если все вещество в нашем маленьком трехмерном пространстве есть концентрация энергии, продолжает она свое рассуждение,

то это положение касается и человека, как сгустка энергии. «А если так, есть ли смерть? — спрашивает она. — Может ли человек бесследно исчезнуть?» Ответ — нет. Эйнштейн открыл Закон сохранения жизни, объединяющий физическую жизнь и смерть, как переход в иное бытие, за которым энергия продолжает существовать в ином состоянии. Об этом космическом законе свидетельствует Учение Живой Этики.

Чувство духовности в научном поиске Эйнштейн назвал «космической религиозностью».

11 января 2006 г., завершение Пятых Международных педагогических чтений

Это его термин. «Каждый жаждущий науки убежден: в законах вселенной проявляется Дух намного сильнее человеческого. Вот почему научные устремления пробуждают некоторое истинно религиозное чувство, которое сильно отличается от наивности человеческой религиозности. Назову это *космическим религиозным чувством*, — цитирует Стульпинене. — Такое чувство не связано ни с догмами, ни с человекоподобным богом».

В сущности, это выступление стало для присутствующих открытым уроком философского воззрения на теории квантовой механики и относительности, который хотела бы провести Ирене у себя в классах. Но она каждый раз оговаривалась: «сказала бы я, если бы они были готовы пойти на такой контакт», «скажу, когда они будут готовы», — как опытный учитель, она понимает, что аудитория должна быть готова к *такому* полету. Неокрепшие крылья не поднимут душу на

эту высоту, однако Ирене Стульпинене убеждена: нарождается новый народ, и он уже приходит на ее уроки и на уроки других учителей, которые так же усердно учатся летать, чтобы и других поставить на крыло.

На круглом столе «В каждом из нас — Неупиваемая Чаша» сопоставлялись материальные и духовные богатства. Выбор в пользу накопления материальных богатств как жизненного приоритета порождает в человеке алчность и корысть. Устремленность к полету, к накоплению духовных богатств делает человека высоконравственным, культурным, благородным. «Тот, кто научился летать, сможет одухотворять и земную жизнь, делая ее более прекрасной и богатой», — уверен Ш.А. Амонашвили.

Три дня работы Чтений вместили такое количество интереснейших и полезных встреч, что выделить главное и самое интересное очень

А.А. Дубровский, В.М. Афанасьев, Ш.А. Амонашвили, Е.Б. Матвеева, В.А. Александрова, Д.М. Маллаев

сложно, потому что главным и интересным было почти все.

Общие встречи имели объединяющую тему на каждый день. День первый: «Спешите дети, будем учиться летать!» Выступавшие, размышляя о важности полета души для маленького человека, о приготовлении к такому старту, задавались и другим вопросом: «А насколько я, учитель, сам способен к полету? И научу ли я летать данное мне на воспитание дитя, если мне самому еще предстоит определить для себя, что это такое — духовный и душевный полет?» Для него необходима особая степень внутренней свободы. Шалва Александрович во вступительном слове привел впечатляющий своей простотой пример. Канарейка всю жизнь живет в клетке, она так привыкла. Теперь, даже если дверца клетки открыта, птица не решится выпорхнуть. Но вот канарейка снесла яйцо, ожидаются птенцы. Вопрос: как мама научит птенцов летать, если у нее самой о полете сложилось весьма приблизительное представление? И ответ: учитель должен вырастить свои крылья, ему необходимо ощутить собственную потребность взлететь.

На круглом столе в Большом зале (общая тема «Уча — учимся») педагоги рассказывали о личной практике извлечения «урока» из урока, предлагали свой апробированный метод, как освободить ребенка от навязанных исстари и извне, иногда донельзя запутанных алгоритмов мышления. Освободить не только ребенка, а в первую очередь *себя самих*, — этим всерьез заняты сегодня преподаватели, которые в основу своей работы положили принципы Гуманной педагогики. Их просто понять: тех, кому ныне за сорок, учили по-иному. Традиция советской педагогической школы — авторитарность, тогда маховые перья рубили еще в детсадовско-ясельном возрасте, а навыки поиска восходящих потоков души искореняли в период изучения прописей. О Живой Этике знали немногие, а те, кто знали, не пытались говорить: это было не только бесполезно, но и небезопасно. И тем не менее в те годы появились многие, кто сегодня составляет цвет педагогики России. Школа Амонашвили, школа Шаталова, незабываемые телебеседы Симона Соловейчика, — тогда это были первые ласточки Гуманной педагогики. Сегодня она все активнее завоевывает пространство учительства и ученичества, но ей активно противостоит культура масс-медиа, почти повально оглушающая души и умы. Особенно пагубно сказывается ее действие на молодом поколении, рядом с которым не всегда находятся те, кто умеет помочь отделить «зерна от плевел». Поэтому, наверное, на откры-

тии Чтений сын Симона Львовича, Артем, главный редактор журнала «Первое сентября», обращаясь к аудитории с застенчивой улыбкой отца, сказал: «Вы все — очень смелые люди. Говорить сегодня о духовности — это очень смело...»

О своем опыте (53 года стажа, из них 52 — в должности директора!) рассказывала М.А. Комлева, директор 199-й московской школы. Она вспоминала о бывших учениках из числа самых неподдающихся, самых непокладистых, называла имена коллег-педагогов, говорила о тех и других с любовью и большим уважением. Ее ученики теперь стали серьезными государственными людьми, но директор школы так и осталась для них ДИРЕКТОРОМ НАВСЕГДА. В ее рассказе не было места личному местоимению «я», а было только — «наши дети». Она переживала свой собственный опыт заново, и вместе с нею переживали все, кто присутствовал в тот день на встрече. Выступление мудрого учителя вызвало такое чувство подъема и, если хотите, — полета, что захотелось оставить все, что было главным занятием прежде, уйти в школу и стать непременно таким учителем, какому взрослый ученик, только что ставший папой, может позвонить в полночь, чтобы прокричать в трубку: «Мария Андреевна! У меня сын родился! И не вздумайте уходить из школы, пока Мишку не запишем в первый класс!!!» Выступление М.А. Комлевой было подобно вдохновенной оде всем ее педагогам и ученикам, но директор завершила его благим практическим предложением: в этот зал весьма полезно было бы пригласить не только учителей и областных и районных руководителей образования, но и министров образования областей, республик и стран.

В Голубом зале под девизом «Семья — гнездо птенцов» собрался семейно-учительский совет, и лейтмотивом разговора была еще одна поэтическая формула: «Что стрелы в руке сильного, то сыновья молодые». Здесь говорили о духовной основе семьи и ее нравственных ценностях, не раз конечно же возвращаясь к примеру семьи Рерихов, где пожизненная крепость духовной связи между поколениями, по принципу Учитель — ученик, может рассматриваться как реальный педагогический практикум, основанный на учении Живой Этики. Здесь говорили о неполных семьях и о сиротстве, о роли бабушек и дедушек в воспитании ребенка. А на руках у отца — участника встречи — дремал полугодовалый малыш, приехавший на Чтения с папой и мамой. И если он недовольно кряхтел во сне во время чьего-то выступления, папа говорил с нежной иронией: «Не нравится...», а когда улы-

бался чему-то: «О, это понравилось...»

Прекрасно, возвышенно высказался о семье и ее роли в воспитании духовности в жителях будущих времен Д.М. Маллаев, доктор педагогических наук, профессор, декан факультета педагогики и психологии Дагестанского государственного педагогического университета. Джафар Маллаев ставит семью, семейные ценности и значение материнства вровень с Космосом, утверждая, что нет энергии мощнее энергии материнской любви. В его пятеричной иерархии — семья, дошкольное воспитание и три ступени школы — семья занимает главенствующее положение. Красота — Любовь — Единство — вот основа семейных отношений, говорит учитель Маллаев. Эта позиция бесспорна: что слышит ребенок с рождения, какой быт его окружает с первого часа жизни, — с этого начинается корректировка будущей личности. Да что там! До момента рождения — в пренатальном периоде, в материнской утробе он напрямую ощущает смену эмоционального состояния мамы, слышит ее речь, и все отзвуки внешнего мира уже доносятся до него. Но если развернуть этот троичный принцип шире, он значителен, как принцип идеального со-Бытия человечества вообще.

«Мысль и творчество — крылья для полета» — тема размышлений еще одного круглого стола. Здесь говорили о том, как важно привить ребенку с малых лет любовь к процессу мышления, к процессу творчества, дать ему возможность сотворить свой личный алгоритм решения задачи. Тем более, — и об этом говорили многие на Чтениях, — что дети, пришедшие в мир в конце XX — начале нынешнего века, обладают иным психологическим складом. В отношении последних поколений диктат и авторитарность бессмысленны и бессильны. Полет — вот их стихия. Но для неокрепших крыльев полет опасен. Есть поговорка: «Как бы птица ни любила летать, она не может лететь вечно», и очень важно научить птенцов грамотно приземляться. Что же касается того, что мы назвали восходящими потоками, на которые могут опереться в полете крылья души, то здесь уместно привести мысль,

Профессор Д.М. Маллаев

высказанную Е.Н. Черноземовой, доктором филологических наук, профессором Московского государственного педагогического университета, руководителем Научного отдела Международного Центра-Музея Рерихов и членом Совета Объединенного научного центра космического мышления в МЦР: «Дух и душа не могут взлететь, если не обопрутятся на поле Культуры, а оно возникает между полюсами, где один полюс — земной человек, а второй — высокое, Божественное. Главное — не размагнитить в человеке человечность».

К полетам наяву, к Гуманной педагогике тянутся и студенты — будущие педагоги, об этом говорила Валерия Гивиевна Ниорадзе. Прослушав спецкурс «Культура учителя Гуманного мировоззрения», они начинают видеть в ребенке Маленького Принца и считают, что именно на этом надо делать воспитательный акцент. В этом убежден и Павел Новиков, студент 3-го курса исторического факультета МГПУ. А его однокурсник Георгий Баранов рассуждает так: «Только Гуманное отношение к детям будет преобладать во всем мире в будущем, иначе в мире

продолжатся катаклизмы, социальные катастрофы, ненависть и непонимание между людьми. То, что дети вынесут из общения со своими педагогами, будет сопровождать их всю жизнь. Под влиянием учителя формируется система ценностей ребенка. Педагогика — очень важная сфера человеческой деятельности, если не основополагающая». Радуют такие мысли студенческой молодежи, ибо мы понимаем Гуманную педагогику, педагогику сотрудничества как путь эволюции школы, образования, развития человечества. Духовное совершенствование, возвращение в учителя и в детях таких качеств Духа, как любовь, совесть, со-радость, сочувствие, понимание, великодушие, — это становится основой жизни на Земле. «Это трудно, но возможно — стремиться к идеалу такого учителя, который умеет “дорисовывать” ребенка, превра-

щая безобразное в Прекрасное», — считает Валерия Гивиевна.

«Победа в полете достается храбрым» — тема последнего дня заседаний. И, как напутствие к полету, — в прямом и переносном смысле — прозвучали со сцены слова Шалвы Александровича Амонашвили — Учителя XX, теперь уже XXI столетия: «Творите Гуманную педагогику в самих себе». По сути это то, чем он занимается всю жизнь, — творчеством своей души и душ всех, кто волею судьбы оказывается с ним рядом.

Известно, что Шалва Александрович не терпит славословий в свой адрес, они утомляют и удручают его. Как только их мера превышает некую критическую массу, Амонашвили сразу переадресует хвалебные эпитеты всем присутствующим. Но совершенно удержаться от них, не произнести несколько слов восхищения этим че-

Рыцари гуманной педагогики профессор МГПУ В.Г. Ниорадзе и врач детского санатория из г. Анапа А.А. Дубровский

ловеком невозможно. Что так притягательно в нем? В чем секрет этого светящегося обаяния? Вслушайтесь внимательно, как он говорит, какие образы наполняют его ласковую, по-восточному красивую и образную речь, и вы поймете: он — ПОЭТ. Шалва Амонашвили — поэт от педагогики. И кстати, речь Джафара Маллаева также изумительно поэтична. Тут есть прямая зависимость — чем талантливее, увлеченнее учитель, чем больше в нем любви к своим питомцам, тем поэтичнее и образнее его речь, ибо Слово, полное любовного посыла, — один из важнейших учительских инструментов. И если оглянуться на историю культуры, мы увидим, что поэзия и педагогика всегда соседствовали в творчестве педагогов-гуманистов. Недаром одну из своих книг А.С. Макаренко назвал именно так: «Педагогическая поэма».

Много прекрасных и полезных выступлений прозвучало в эти дни, много мудрых слов было произнесено и услышано и от тех, кто впервые прибыл на Чтения, и от тех, кто не первый год носит звание Рыцаря гуманной педагогики. Из каждого выступления можно извлечь ключевую фразу, мысль, опыт и составить сборник духовного творчества учителей, а назвать его, к примеру,

совсем просто: «Учитель: опыты и советы». Вот малое количество выдержек из выступлений на последних Чтениях: «Самое главное — любить детей... Я рассматриваю недоброе отношение к ребенку как должностное преступление... Надо так спроецировать ситуацию, чтобы было за что сказать ребенку: “Ах, какой ты молодец!”» (М.А. Комлева). «В жизни очень много рутинных уроков, они необходимы, но, чтобы спасти эту рутину, надо создавать уроки-праздники... Дети не готовятся жить, они уже — живут» (В.Ф. Бак). «Мы переходим от понимания единства к пониманию множества и от понимания множества к пониманию единства» (Д.М. Маллаев — о семье). «Летать может только одухотворенная материя» (И. Стульпинене). «Нам нужны мудрость — Коменского, дух — Ушинского, любовь — Песталоцци, преданность — Корчака, а сердце — Сухомлинского» (Ш.А. Амонашвили).

Закончились Пятые Международные педагогические чтения. Среди тех, кто многие годы служит принципам Гуманной педагогики, появились новые ее Рыцари. В частности, этого звания удостоена теперь сотрудник МЦР Т.Н. Румянцева — она уже не первый год находится в чис-

Депутат Госдумы РФ А. Ермолин и руководитель Управления образования Цесисского района Латвии Т. Яунземис

Маргарита Бондаренко и Андрей Клепиков из Владикавказа с сыном Олегом — самым юным участником Чтений

ле организаторов этих Чтений, среди тех людей, которые действуют «за кадром», но без их незаметного извне труда многое было бы упущено, а что-то, возможно, и вовсе бы не состоялось.

Через год, даст Бог, состоятся Шестые. Что можно сказать обо всем увиденном и услышанном человеку, который в первый раз присутствовал на таком педагогическом мастер-классе и потому глядел на происходящее слегка со стороны? Мы все чаще говорим о *новом человеке*, человеке эволюционирующем, готовом к духовному и творческому полету. Но он не состоится без *нового учителя*, без *новой семьи* — без перемен в мире взрослых. Мы не заметим его или погубим неумелостью. Как возвращать эту способность к полету в детях и в себе? Любовью. Она — главная созидаящая сила в учительстве: вспомним кредо великого русского учителя Карла Мая: «Сперва — любить, потом — учить». Что есть

плод со-творчества учителей, детей, родителей, действующих в Любви? Красота, которая неотъемлемо сопровождает Культуру, а та в свою очередь не дает уйти из нашей жизни Духовности. Это все — краеугольные понятия учения Живой Этики, отсюда же, как из прочих средоточий духовных истин, возрастают и живые принципы Гуманной педагогики. Духовность — это единственное, что позволит нам взрастить в человеке разумном Человека Крылатого.

Вспомним процитированные учительницей из Литвы древние слова Евангелия: «Если не родитесь вновь, не будете, как дети, не войдете в Царство Божие!» А Оно, как известно, — внутри нас. И пора нам всем переосознать себя, переродиться заново, чтобы стать людьми Новой Эпохи, чтобы вылететь из клетки узких, привычных обыденно-плоских представлений в пространство Космическое.